

Сергей Вейгман

Комсостав 322-й армейской штрафной роты. Второй слева — Михаил Ключко. Восточная Пруссия, 1945 год.

ПЕСНИ ШТРАФНИКОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Вейгман
Песни штрафников

«Автор»

2020

Вейгман С. М.

Песни штрафников / С. М. Вейгман — «Автор», 2020

Эта книга является сборником известных и неизвестных песен, популярных в среде советских комбатантов – солдат и офицеров штрафных подразделений Красной армии в 40-е годы XX века. Книга написана на основе фронтового блокнота заместителя командира взвода (впоследствии - командира взвода) 322-й отдельной армейской штрафной роты Михаила Григорьевича Ключко. Перед вами второе издание этой книги. Первое издание вышло в 2003 году тиражом 100 экземпляров в киевском издательстве «Планета людей». Содержит нецензурную брань.

© Вейгман С. М., 2020

© Автор, 2020

Предисловие

Штрафники на войне... Многие считали их уголовниками-рецидивистами. Отчасти это соответствовало действительности – среди тех, кого Родина посылала на верную смерть за безымянные высоты, действительно был немалый процент бывших уголовников. Равно как и тех, кто нарушил заведомо глупый приказ командира.

Впервые об учреждении штрафных рот было объявлено в знаменитом приказе №227 народного комиссара обороны СССР Иосифа Сталина от 28 июля 1942 года. Интересно, что в этом приказе использование использования штрафных частей было признано эффективной тактикой противника:

«После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель – покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует».

Первые штрафные роты были созданы сразу же после публикации приказа. Через два месяца, 26 сентября заместитель наркома обороны генерал армии Георгий Жуков утвердил положения «О штрафных батальонах действующей армии» и «О штрафных ротах действующей армии». Согласно этим документам, «провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» предоставлялась возможность «кровью искупить свою вину перед Родиной отважной борьбой с врагом на трудном участке боевых действий».

Как правило, штрафников посылали в бой отнюдь не для того, чтобы штурмом взять тот или иной объект – что может сделать несколько десятков человек с винтовками и гранатами при штурме ДОТа, защитники которого вооружены автоматами и пулеметами? Другими словами, штрафники были нужны лишь для того, чтобы во время «разведки боем» засечь огневые точки противника и, затем, подавить их с помощью артиллерии и авиации. Справедливости ради скажем, что в некоторых штрафных ротах были минометные взводы, но особой погоды они не делали.

Смертность среди штрафников была потрясающе высокой и, по некоторым сведениям, составляла до 90 процентов личного состава. А по данным Дмитрия Волгонова, на протя-

жении Великой Отечественной войны в штрафных ротах и батальонах погибло около 600 000 человек.

Штрафники считались смертниками. Их посылали в бой на самых трудных, самых опасных участках сражения. Посылали с оружием и без него (убьют соседа, подбери его винтовку), из одного боя в другой и всегда впереди, на острие наступающих частей, а при отступлении – в арьергарде, стоящим насмерть заслоном.

«Искуплением вины» служила смерть, ранение либо представление к снятию судимости (в штрафные роты и батальоны попадали по приговору военного трибунала). Несмотря на столь мрачные перспективы штрафники были обычными людьми, ценящими все радости жизни, – в том числе и хорошие песни...

В декабре 2001 года я познакомился с Михаилом Григорьевичем Ключко – бывшим командиром взвода 322-й отдельной армейской штрафной роты... Он прослужил в штрафной роте в течение трех лет и остался в живых – случай поистине уникальный. Как журналист, пишущий о Второй Мировой войне, я не мог не взять у него интервью, которое было опубликовано в еженедельнике «Столичные новости».

После публикации интервью я снова встретился с Михаилом Григорьевичем. Именно тогда бывший командир штрафного взвода и рассказал мне о своем блокноте, в который на протяжении четырех лет (с 1943-1947 гг.) он записывал все услышанные песни. Еще не зная, какое сокровище попадет мне в руки, я попросил Михаила Григорьевича разрешить мне снять копии с его фронтовых записей и опубликовать их, – это произошло в январе 2002 года. А два месяца спустя Михаила Ключко не стало...

Записи Ключко можно назвать уникальными по многим причинам. В блокнот Ключко попали так называемые блатные песни (в его роте служили уголовники, сидевшие в Бутырской и Стромьинской тюрьмах); песни военнопленных и остарбайтеров, которых Михаилу Григорьевичу доводилось встречать в Восточной Пруссии; песни на стихи неизвестных авторов, публиковавшиеся в армейских многотиражках и многое другое, что делает его блокнот настоящим кладом для историка и литературоведа. К тому же большая часть песен, зафиксированных в его блокноте, разительно отличаются от официальных военно-патриотических песнопений, которые ежегодно выплескиваются на нас 9 мая. Это связано с тем, что большая часть популярных военных песен получили широкую известность благодаря исполнению в советских кинофильмах, абсолютно недоступных для штрафников (по воспоминаниям Михаила Ключко, на протяжении всей войны он не посмотрел ни одного фильма). Лишь иногда ему удавалось записать текст того или иного киношлягера со слов человека, который слышал его исполнение – именно этим можно объяснить тот факт, что киношлягеры (равно как и другие песни, авторство которых известно), составляют в блокноте Ключко абсолютное меньшинство – примерно треть от общего числа записей. Таким образом, можно констатировать, что многие продукты фронтового и довоенного фольклора, пусть и выпадавшие из официально-идеологической канвы, были не менее популярны среди солдат и офицеров РККА, чем одобренные цензурой популярные песни.

Записи Михаила Ключко условно можно разделить на три части: неизвестные городские романсы, а также песни которые, судя по всему, были созданы профессиональными литераторами, имена которых ныне забыты; перетекстовки популярных авторских и народных песен, а также популярных городских романсов; известные народные песни, «классические» варианты городских романсов, а также известные авторские песни. Именно в этом порядке они и представлены в данном издании.

За долгие годы, песни, записанные более 70 лет назад Михаилом Ключко, забылись. Возможно, благодаря именно этому изданию они обретут новую жизнь.

Чернорабочие войны...

Таких, как он, в Киеве, наверное, уже не встретишь. Но у этого уникального человека до нас никто не брал интервью... Все, кто пишет о Второй Мировой, умудрились напрочь забыть о солдатах и офицерах штрафных рот и батальонов, дравшихся за безымянные высоты... На вопросы корреспондента «СН» отвечает один из последних оставшихся в живых киевлян-«штрафников» – командир штрафного взвода Михаил Григорьевич Ключко.

– Вы помните свой первый бой?

– Сложно сказать. Я ведь пережил четыре пополнения. Было ведь как: штрафную роту пускали в бой, она прорывала оборону, затем в прорыв вводили обычные войска. А несколько человек штрафников, которые оставались в живых, отводили в тыл, где они и дожидались пополнения. Я помню первое комплектование нашей 322-й отдельной армейской штрафной роты. Это были уголовники из «элитных» московских тюрем – Бутырской и Стромьинской. Бандиты, конечно, но, как ни странно, впечатления уголовников они не производили... Первый бой мы приняли под Брестом, где необходимо было взять высоты, на которых укрепились немцы. Переплавились через какую-то безымянную речушку, подползли к этим высоткам, залегли. Тогда нам удалось ворваться в немецкие траншеи, где меня и контузило. Помню, бой идет, все в атаку бегут, а один солдат перепугался, вжался в землю... Тут мимо него «бутырский рядовой» пробегает: «Ты чего лежишь?» А тот только головой крутит. Живой, стало быть, не раненный даже, но подниматься боится. Так штрафник из уголовников дал ему хорошего пинка. После этого трус вскочил и побежал со всеми вперед.

– Много было штрафных рот?

– Не следует забывать, что помимо рот были еще и штрафные батальоны, укомплектованные из разжалованных офицеров. А штрафных рот на каждом фронте было несколько. Действовали они при армиях, а штрафбаты – подчинялись командованию фронтом.

– Сколько людей в среднем оставалось в живых после каждой атаки?

– Помню, наши прорывали оборону в районе Немана. Так из ротных офицеров я один в живых остался и человек шесть или семь солдат. Это был нормальный остаток. Иногда до курьезов доходило. Неман мы тогда форсировали, и всемером оказались в немецком тылу. Ребята ко мне: «Михаил Григорьевич, ты – офицер, вывод!» Переправились мы обратно к своим, а там нас как диверсантов встречают. Повязали – и в контрразведку. Привели в какой-то амбар колхозный, стол там стоит, коптилка из 45-миллиметрового снаряда... Сидит старший лейтенант в погонах (именно на нем я их впервые увидел). «Вы кто?» – спрашивает. Рассказали. «Среди вас офицеры есть?» «Я офицер», – отвечаю. Посмотрел он на меня: «Ты извозчик, а не офицер!» Одет я был действительно неказисто. Вместо фуражки – пилотка задрипанная, чтобы снайперы не «сняли»; пояс с солдатской бляхой. Но тогда все благополучно закончилось.

– Расскажите о довольствии штрафных рот...

– Кстати, знаменитых «фронтовых ста грамм» или горячей каши на передовой никто не видел. Разве что, когда фронт останавливался. Помню, на Миус-фронте немцы бомбили переправы через Дон, и подвоза продуктов не было. Так мы убитых при артобстреле лошадей ели, которые у нас орудия таскали. Найдешь какую-нибудь конягу, отрежешь, сколько удастся, и сваришь. А то и у лошадей из торб овес воровали... Впоследствии меня ординарец выручал – он по горошинам умел гадать. И когда мы через польские села проходили, к нему бабы на гадание сходились. Все одно знать хотели: когда любимый с войны вернется. Платили продуктами. А однажды в Пруссии перед боем он мне и говорит: «Давай я тебе погадаю. Ты ж мой начальник». Подбросил он свои бобы и говорит: «Ну, Михаил, ты в рубашке родился». И действительно, я остался в живых...

– А деньги?

– Никто их у нас не видел. Да и расчетных книжек не было. Зачем тебе деньги, если завтра в бой идешь? Помню, взяли мы немецкий город Гумбиннен. Приходит ко мне товарищ и говорит: «Слушай, идем посмотрим, там ювелирный магазин брошенный». Немцы ведь за одну ночь вывезли большую часть населения Восточной Пруссии. Наши ребята в одной квартире даже теплый чайник нашли... Зашли мы в магазин, сбили замок. Видим – колечки всякие, бриллианты, блестит все. Ну а у меня тогда, прямо скажем, детские мозги были. Взял я кусок золота, взвесил на ладони – тяжелый... И бросил. Для нас тогда не существовало ценностей. Только мы вышли из города, немцы нас сразу в снег положили. Я лишь подниму голову, а вокруг меня снежные фонтанчики от пуль. Сами подумайте – на кой черт мне это золото?

– Были ли в вашем взводе случаи отказа подняться в атаку, самострелы?

– Когда я воевал на Миус-фронте, однажды получилось так, что из всех связистов в живых остался только я. И командир батареи говорит: «Нет связи с наблюдательным пунктом, который корректирует огонь. Ползи, восстанавливай». И дал мне одного человека для прикрытия. Я с катушкой – впереди, проверяю связь, а тот парень сзади ползет. Смотрю, он отставать начал, а потом и совсем ползти перестал. Когда связь восстановил, нашел его и спрашиваю: «В чем дело?» Он говорит: «Михаил, я ничего не могу с собой сделать. В начале войны нас взяли в плен и вели колонной. А тут наши «катюши» подошли и накрыли нас залпом. С тех пор, как только попадаю под артиллерийский обстрел, – не знаю, что со мной происходит, не могу себя контролировать». Для того чтобы вырваться из этой кровавой бойни, люди были готовы на все. В моем взводе самострелы, конечно же, бывали. Стреляли через буханку, чтобы на теле не было следов ожога, по которым определяли самострелы. И если ожога не было, то, как «искупившего вину кровью», самострельщика отправляли в тыл.

– Как относились штрафники к тем, кто не видел в них солдат, а считал обыкновенными преступниками?

– Однажды остатки нашей роты отвели в лес, где мы принимали пополнение. И приехал к нам какой-то офицер, только что окончивший курсы. Вел он себя вызывающе. Зашел я как-то раз на полянку, где он проводил с солдатами политбеседу. Стоит перед ним взвод – человек тридцать. Говорил он долго. И вдруг голос из задних рядов: «Слушай, ты долго будешь болтать? Мы с утра ничего не ели». На его приказ «выйти из строя», конечно же, никто не вышел. И он опять продолжает рассказывать. И снова голос: «В конце концов, ты долго будешь, е... твою мать, ерундой заниматься?» И тут офицер выхватил ТТ и выстрелил прямо в строй, на голос. Конечно, не знал он, кто это брякнул. Три человека были ранены. И всех троих забрали в госпиталь, как «искупивших кровью». А офицера этого я после первого боя уже и не видел. В бою ведь прокуроров не бывает. Кстати, когда наша рота придавалась другим частям, то какого-то особого презрения мы не чувствовали, и никто «заклученными» нас не обзывал. Нас так и называли – «штрафники».

– Насколько я знаю, на фронте вам довелось сражаться против русских в немецкой форме...

– Догоняли мы в Белоруссии какую-то дивизию. И на лесной поляне увидели группу солдат, которые били человека в зеленой тужурке. Я подошел, поинтересовался, в чем дело. «Власовца поймали», – ответили мне. Выяснилось, что человека били только за то, что на нем был немецкий френч, в которых тогда ходило пол-Белоруссии. Я, было, кинулся его защищать, да мои хлопцы остановили. «Не лезь, – говорят, а то и тебя повесят с ним на одном суку». И действительно – этого парня повесили. Правда, должен сказать, что дрались «власовцы» отчаянно и с невиданной злостью. Позднее один из наших штрафников рассказывал мне историю своего спасения. Во время боя против русской части вермахта он был ранен в руку. Рядом с ним лежал солдат, у которого был разворочен живот. И тот парень взял его кишки и положил на себя. После боя русские в немецкой форме добились всех раненных контрольным выстрелом

в голову, а тот парень выжил... Впрочем, мы их тоже в плен не брали. Если живого «власовца» захватывали, весь магазин могли в него разрядить...

– Я знаю, что вам довелось освобождать Прагу. Как вас встречали чехи?

– Если честно, так хорошо нас не встречали даже в Украине. Один из моих товарищей очень приглашал меня к одной чешской женщине, мол, в гости зоветэ Я отказался, а он пошел. Вернулся утром. И рассказал историю, которая поразила даже меня. Хозяйка его накормила, напоила, а потом сказала: « Хочешь – со мной ложись спать, хочешь – с дочкой моей»...

– Много ли в Киеве осталось выживших штрафников?

– В моем Жовтневом районе – ни одного. И где бы я ни был, какие бы списки не смотрел – никого. Несколько лет назад я говорил с одним подполковником. Он рассказал, что обошел все военкоматы Киева и не нашел ни одного штрафника.

Беседовал Сергей ВЕЙГМАН

Интервью было опубликовано в еженедельнике «Столичные новости» (№ 195, 2001 г.)

Глава первая.

Неизвестные авторские песни и городские романсы

Провожанье

Двадцать второго июня,

Ровно в четыре часа,

Киев бомбили, нам объявили

Что началась война.

Кончилось мирное время,

Нам расставаться пора

Я уезжаю, быть обещаю

Другом твоим навсегда.

И ты, гляди, с чувством моим не шути

Выйди подруга

К поезду друга,

Друга на фронт проводи.

В армию едут ребята,

Едут на фронт воевать.

Девушки плачут, слез не покажут

Будут в тылу помогать.

Стукнут колеса состава,

Поезд помчится стрелой

Я в эшелоне, ты на перроне

Ты мне помашешь платком.

Ванюшка Найдюшкин, с. Старая Ротица (в дальнейшем обычным курсивом будут выделяться авторские пометки Михаила Ключко)

03. 1945 год.

ПРИМЕЧАНИЕ: Одна из самых известных песен Великой Отечественной войны, которую вполне можно считать самодостаточной и народной (хотя она и написана на мотив известной песни «Синенький скромный платочек» – слова Якова Галицкого, музыка Ежи Петерс-

бургского, написана в 1940 году). По сведениям киевоведда Дмитрия Малакова, была написана неизвестным автором в первый день войны. Через два года после выхода первого издания этой книги была опубликована информация о том, что автором песни «22 июня, ровно в 4 часа» был поэт Борис Ковынев.

Благодаря жительнице Киева Сары Лейбович, нам удалось установить небольшие расхождения в тексте песни (во втором варианте песни четыре куплета; куплет, начинающийся словами «В армию едут ребята...» отсутствует): (8-я строка: Вместо «...Другом твоим навсегда» (вариант записанный Михаилом Ключко) – «...Верным тебе до конца» (вариант Сары Лейбович).

4-й куплет (вариант Сары Лейбович):

«Скрипнут колеса вагона
Поезд помчится стрелой
Я уж в вагоне, ты – на перроне,
Мне помахала рукой».

«Киев бомбили...» – имеется в виду бомбардировка города 22 июня 1941 года.

«Нам объявили, //Что началась война» – имеется в виду выступление по радио Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Вячеслава Молотова (состоялось 22 июня 1941 года, в 12.00), благодаря, которому население СССР было официально извещено о начале войны между Германией и Советским Союзом.

* * *

Куда я только не поеду,
Куда я только не пойду
Везде один ответ встречаю:
Я буду вас иметь в виду.

В одну я девушку влюбился,
На брак согласие получил,
Но вот другой жених явился
И от меня ее отбил.

Отец твердит: «Не надо злиться,
Для вас невесту я найду,
Вот только дочь пускай родится
Я буду вас иметь в виду».

У нас стахановцев снимали,
Чтоб поместить их всех в журнал
И мне хотелось быть в журнале,
Но мне фотограф так сказал:

«Сейчас стахановцев снимаем
И поместить вас не могу
Вот как начнем снимать лентяев,
Я буду вас иметь в виду».

Мне так не плохо с вами жилось
И было очень хорошо,
И мне бы очень бы хотелось
На чашку чая пригласить.

Я здесь не плохо проживаю,
Но вот с хозяйкой не в ладу
Вот как квартиру поменяю,
Я буду вас иметь в виду.

ПРИМЕЧАНИЕ: Песня написана не раньше осени 1935 года, так как официальной датой начала стахановского движения считается 2 сентября 1935 года. В этот день газета «Правда» сообщила, что забойщик шахты «Центральная-Ирмино» Алексей Стаханов в ночь на 31 августа за смену добыл 102 тонны угля (при норме 7 тонн). В результате новое движение, целью которого было повышение количества выпускаемой продукции, получило название «стахановского».

В блокноте Михаила Ключко песня появилась не позднее 1944 года.

* * *

ППЖ

Когда душа тоскует
И прокликает все в душе,
То много радости приносит
Нам дорогая ППЖ.

Она войдет, светя очами,
Светлее станет в блиндаже,
А ведь холодными ночами
Ты дорога нам, ППЖ.

Сейчас все ласковы с тобою,
Успех имеешь ты везде,
Но я солдатскою душою
Вас презираю ППЖ.

Сейчас живет она привольно
Всю ночь (слово зачеркнуто) подруга-лже,
Но битву кончил, будет больно
На вас смотреть, наш ППЖ.

Тогда напрасно ты прибегнешь
К услугам верного ППЖ,
Кличь обвиненья и презренья
Несется вслед вам, ППЖ.

ПРИМЕЧАНИЕ: ППЖ – аббревиатура («походно-полевая жена», «передвижная походная жена»). Во время Великой Отечественной войны это слово вошло в повседневный сленг, как обозначение временных подруг и сожительниц советских комбатантов.

* * *

Фотография

Из Москвы меня уносит эшелон,
День и ночь стучит колесами вагон,
Я в вагоне фотографию твою
Из кармана гимнастерки достаю.
Ты, я знаю, измениться не могла,
Ты, я верю, все такая как была.

ПРИПЕВ:

Дорожка степная, тропинка лесная
И неба простор голубой,
Тебя вспоминая, я верю, родная
Что скоро мы встретимся с тобой.

Пятый день идут упорные бои,
Каждый раз в атаку смело ходим мы,
День и ночь наш батальон идет вперед,
Но ни сон нас, ни усталость не берет.
Только некогда, родная, мне в бою
Посмотреть на фотографию твою.

ПРИПЕВ:

Атака ночная, граната ручная
Ночной несмолкающий бой.
Тебя вспоминая, я верю родная,
Что скоро вернусь я домой.

Канонада уже начала стихать,
После боя повели нас отдыхать,
На привале фотографию твою
Из пробитой гимнастерки достаю.
Потемнела фотография в дыму,
Тем дороже она сердцу моему.

ПРИПЕВ:

*Колхоз Липовский, май 1944 г.
Валя Болдырева, 197 АЗЕП.*

ПРИМЕЧАНИЕ: Авторы текста и музыки неизвестны. По свидетельству рядового Ильи Гуревича, он впервые услышал эту песню в 1942 году в исполнении приехавших из Москвы артистов.

* * *

Солдат-вояка

Как гордо такое же слово звучит
И зависть у нас вызывая,
А на войне умирает солдат,
Страну от врагов защищая.

В дни жестоких боев и походов
Он, кто войны не боится,
Тот, кто день и ночь под дождь и метель
Врага уничтожить стремится.

Мы помним отважных солдат-героинь,
Мы помним погибшую Зою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.